

УДК 343.346

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.474-484

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ НЕКРАСОВ,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории государства и права
и международного права Юридического института,
Тюменский государственный университет,

г. Тюмень, Российская Федерация,

е-mail: m.a.nekrasov@gmail.com;

БОРИС ПАВЛОВИЧ КОЗАЧЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент Института Академии ФСИН России
по кафедре уголовно-исполнительного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,

е-mail: boriskozachenko.55@mail.ru;

ГЕННАДИЙ ЛЕОНИДОВИЧ МИНАКОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доцент кафедры уголовного права Юридического института,
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева,
г. Орел, Российская Федерация,

е-mail: gennadiy_minakov@mail.ru

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГЕНОМНАЯ РЕГИСТРАЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ВОПРОСАХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ, РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Для цитирования

Некрасов, М. А. Обязательная государственная геномная регистрация и ее роль в вопросах предупреждения, раскрытия и расследования преступлений / М. А. Некрасов, Б. П. Козаченко, Г. Л. Минаков // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 4. – С. 474–484. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.474-484.

Аннотация. Статья посвящена проблемным аспектам проведения обязательной геномной регистрации граждан. В ней анализируется отечественная практика и зарубежный опыт некоторых стран в этой сфере. Исследованы положения международных актов при проведении геномной регистрации, представлены некоторые предложения по изменению российского законодательства в целях совершенствования процедуры проведения генетического дактилоскопирования лиц, осужденных к уголовным наказаниям.

© Некрасов М. А., Козаченко Б. П., Минаков Г. Л., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: обязательная государственная геномная регистрация, персональные данные, генетическое дактилоскопирование, ответственность осужденных к уголовным наказаниям, международные акты и стандарты.

Действующая концепция естественных прав человека, являющаяся базовой для многих современных конституционных положений, прошла длительный путь своего развития. Еще в XVII в. Дж. Локк отмечал, что «свобода – это не испытание ограничения и насилия со стороны других, это то, что не может быть осуществлено там, где нет закона. Она представляет собой свободу человека располагать и распоряжаться своей личностью, своими действиями, владениями и всей своей собственностью в рамках тех законов, которым он подчиняется, и, таким образом, не подвергаться деспотической воле другого, а свободно следовать своей воле» [1, с. 293–294]. Дальнейшее развитие этой идеи претерпело существенные изменения. Впервые предложенная Р. Штаммлером концепция естественного права основывается на следующей идее: источником естественных прав человека выступает не гуманистическая природа человека, а общество, находящееся на определенном этапе своего исторического развития, в котором складываются ценностные установки и формируется конкретная личность [2, с. 156–160]. При этом следует осознать роль государства в механизме формирования таких общественных ориентиров.

Права и свободы человека должны быть не средством контроля над гражданами, а способом, с помощью которого обеспечивается индивидуальная самостоятельность личности, ее взаимодействие с иными социальными структурами, общественными институтами и самим государством. В связи с этим на совершенно новом уровне видится проблема определения оптимального соотношения государственного участия и автономии индивидуального в организации общественной жизни. Именно нарушение баланса интересов в виде установления их примата со стороны государства над обществом может стать основанием для многочисленных нарушений прав граждан или нормативного закрепления анархического своеволия, что в итоге приведет к трансформации основ социальных отношений и разрушению государственности [3, с. 122].

Важное значение данная проблема приобретает в свете современных научных открытий в области генетики (генная инженерия, генетическая коррекция особенностей человека, генетическая идентификация), так как они неизбежно порождают начало новых общественных отношений, прав и возможностей, которые дают, по сути, право управлять человеческой жизнью на качественно ином уровне, что вызывает необходимость в их правовом регулировании. Это позволяет обоснованно ставить вопрос о том, какие из новых отношений должны подлежать законодательному закреплению, а какие, напротив, нуждаются в защите от государственного или иного вмешательства.

Например, метод генетического дактилоскопирования, открытый в 1984 г. британским генетиком, нашел широкое применение в криминалистике при проведении судебно-медицинских экспертиз в качестве доказательства причастности подозреваемых к преступлениям, что дало возможность по биологическим образцам идентифицировать любого человека. В дальнейшем он стал использоваться для установления родства, совместимости донора и реципиента при трансплантации органов и тканей человека, лечения генетических заболеваний, идентификации человеческих останков. В целях получения новых доказательств и уголовного преследования анализируемый нами метод криминалистической идентификации стал огромным шагом вперед. Вместе с тем следует осознавать, что подобные данные содержат информацию не только об

идентифицируемом лице, но и о его близких родственниках, что ставит обоснованный вопрос об условиях применимости генетической информации с правовой и этической точек зрения.

В настоящее время в Российской Федерации правовое регулирование обязательной государственной геномной регистрации регулируется ч. 3 ст. 55 Основного Закона, согласно которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 242) в ст. 7 закрепил за государством функцию по осуществлению обязательной геномной регистрации в отношении следующих граждан: осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности; неустановленных лиц, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий. Кроме того, обязательной государственной геномной регистрации подлежат неопознанные трупы.

В соответствии с п. 3 ст. 1 ФЗ № 242 под геномной информацией понимаются персональные данные, включающие в себя кодированную информацию об определенных фрагментах дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК) физического лица или неопознанного трупа, не характеризующих их физиологические особенности. Иными словами, по фрагментам этой макромолекулы, обеспечивающей хранение и передачу из поколения в поколение уникального генетического кода, можно практически безошибочно идентифицировать любого человека.

Исходя из пп. 4, 5 ст. 15 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное уголовным законом, не превышает десяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает пятнадцати лет лишения свободы, а особо тяжкими – умышленные деяния, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание. Категории преступлений против половой неприкосновенности граждан и половой свободы получили закрепление в гл. 18 УК РФ (ст. 131–135). Следует отметить, что в санкциях отдельных статей той же главы УК РФ предусматривается назначение уголовных наказаний без изоляции осужденных от общества, контроль за исполнением которых осуществляют уголовно-исполнительные инспекции (УИИ).

Действия по обязательной государственной регистрации проводятся подразделениями Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) и экспертными подразделениями Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД России) в соответствии с постановлением Правительства РФ от 11 октября 2011 г. № 828 «Об утверждении Положения о порядке проведения обязательной государственной геномной регистрации лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы» (далее – постановление № 828) по месту отбывания последними наказания. Согласно пп. 5, 6 постановления № 828 учреждения и органы ФСИН России получают биологический материал лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы, и направляют его в целях получения геномной информации на исследование.

Исходя из анализа действующих нормативных правовых актов, как нам представляется, остается нерешенным вопрос о действиях администрации исправительного учреждения (ИУ) в случае отказа осужденного от проведения принудительной геномной регистрации. В связи с этим целесообразно было бы разъяснить следующее. Во-первых, возможно ли в подобном случае привлечение осужденного к дисциплинарной ответственности или применение к нему мер принуждения при получении биологических образцов? Во-вторых, влияет ли такой отказ на решение вопросов о его условно-досрочном освобождении или изменении ему условий отбывания наказания? В силу отсутствия соответствующих норм в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (УИК РФ), на наш взгляд, подобных ограничений нет, что указывает на пробел в действующем законодательстве в части столь важной деятельности государства.

В дополнение к изложенному отметим, что согласно п. 6 постановления № 828 руководитель учреждения, исполняющего наказания, обеспечивает получение биологического материала, а также осуществляет контроль за достоверностью сведений о персональных данных лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации. Однако не совсем понятно, в каких действиях выражаются эти обеспечительные меры, а также каков механизм осуществления контроля за достоверностью сведений о персональных данных лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации, и соответствием получаемого генетического материала.

Напомним, что во исполнение п. 1 ст. 7 ФЗ № 242 обязательной геномной регистрации подлежат граждане России, в отношении которых вступили в силу приговоры судов за совершение ими всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Этим гражданам суд может назначить наказания, альтернативные лишению свободы. Однако осуществление отбора биологических образцов у этих категорий осужденных действующим законодательством не регламентировано. Например, УИИ ФСИН России подобных процедур не проводят, более того, их деятельность в этой области вообще законодательством не регулируется, хотя ФЗ № 242 действует с 2008 г.

Определенный интерес представляет судебная практика в анализируемой сфере. Так, 16 июня 2016 г. Заводским районным судом г. Кемерово было рассмотрено дело № 2-2761-16 по иску Кемеровского прокурора в интересах Российской Федерации к федеральному казенному учреждению «Исправительная колония № 22» ГУФСИН России по Кемеровской области (далее – ИК-22), в котором последнее обязывалось устранить нарушения законодательства о государственной геномной регистрации. Исходя из материалов дела прокурор г. Кемерово обратился с исковым заявлением к администрации ИУ, в котором изложил требование об устранении нарушения федерального закона, выразившегося в неисполнении обязательства по сбору биологических материалов лиц, осужденных к лишению свободы и отбывающих наказание в указанном учреждении. В частности, прокуратура установила, что в январе 2016 г. в ИК-22 из 97 освободившихся по отбытии срока наказания лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, а также за преступления против половой неприкосновенности, 10 человек не были подвергнуты получению биологического материала, а следовательно, и не было произведено его исследование в целях получения геномной информации. Дальнейшая проверка ИК-22 показала, что по состоянию на 1 июня 2016 г. из 593 осужденных подлежат геномной регистрации 557, однако не прошли ее 535 чел.; 120 осужденных подлежали освобождению по отбытии срока уголовного наказания, из них 86 не прошли обязательную геномную регистрацию. Кроме того, 10 осужденных, которые не были подвергнуты

геномной регистрации, уже были освобождены из ИК-22. Искомые требования прокурора были удовлетворены, а апелляционное определение вышестоящего суда от 22 сентября 2016 г. по делу № 33-12021/2016 оставило это решение без изменения (<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=168597#SaM2OkSEdpiW9qjY1>). Федеральное законодательство было проигнорировано.

Детальный анализ мотивировочной части судебного решения в рассматриваемом деле показывает, что выводы суда сделаны на основе толкования исключительно норм действующего законодательства без каких-либо ориентиров на международные стандарты или имеющуюся практику регулирования аналогичных отношений в зарубежных странах. При этом сформировавшаяся практика Европейского суда по правам человека исходит совершенно из других приоритетов, что, по нашему мнению, указывает на необходимость концептуального пересмотра позиций в этой сфере. Очевиден тот факт, что Российская Федерация, вступив в Совет Европы и ратифицировав Конвенцию о защите прав человека, признала прецедентную практику Европейского суда по защите прав человека в качестве еще одного фактора, который учитывается для принятия взвешенных правовых решений (за некоторыми исключениями). Как нам представляется, в перспективе придется принимать решение и о целесообразности соблюдения либо отказа от формирующейся конвенциональной базы и правоприменительной практики, которая сложилась в сфере использования генома человека в правоохранительных целях.

К изложенному добавим, что среди новых документов международного уровня в области генетики, направленных на соблюдение прав человека, заслуживает особого внимания Всеобщая декларация о геноме человека и о правах человека, принятая 11 ноября 1997 г. Статья 6 указанной декларации закрепляет принцип, согласно которому ни один гражданин не может подвергаться дискриминации по признаку генетических характеристик, если ее цели или результаты представляют собой посягательство на права человека, основные свободы и человеческое достоинство (https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml). Исходя из этого каждый человек имеет право на справедливую компенсацию того или иного ущерба, причиненного в результате непосредственного и детерминирующего воздействия на его геном в соответствии с международным правом и национальным законодательством. При этом согласно сформировавшейся судебной практике Европейского суда по правам человека всеобъемлющее и неизбирательное удержание отпечатков пальцев, образцов клеток и профилей как носителей генетической информации после вынесения оправдательного приговора считается нарушением ст. 8. Иными словами, если изъятие биологических материалов произошло, но разбирательство дела закончилось оправдательным приговором, то по заявлению сторон образцы и профили ДНК подлежат обязательному уничтожению (http://www.echr.coe.int/documents/research_report_bioethics_rus.pdf).

Действующий ФЗ № 242 подобных оговорок не содержит, и для отечественных органов исполнительной власти основанием для забора генетического материала является вступивший в силу обвинительный приговор суда. Однако если вышестоящий суд в порядке, например, кассационного производства отменил решение нижестоящего и освободил от отбывания наказания лицо, в отношении которого уже есть решение суда, вступившее в законную силу, то остается неясным вопрос о том, подлежит ли уничтожению генетическая информация этого гражданина, внесенная в соответствующую государственную базу данных, обязательному уничтожению, ведь на законодательном уровне такое предписание в Российской Федерации отсутствует.

В отличие от отечественного законодательства, зарубежная правоохранительная практика допускает проведение генетических тестов без решения суда, если человек был задержан в качестве подозреваемого в совершении преступления. Так, Верховный суд США в деле «Штат Мэриленд против Кинга» в 2013 г. прямо указал на законность подобных действий (<http://supreme.justia.com/cases/federal/us/569/435/#465-66>). Однако если арестованному впоследствии не было предъявлено обвинение или он был оправдан, его данные ДНК могут быть удалены автоматически (в некоторых штатах, таких как Иллинойс, Мэриленд и Техас) или по запросу самого лица.

Обратимся к Международной декларации о генетических данных человека, принятой ООН 16 октября 2003 г. Статья 4 обозначенного акта определяет, что генетические данные человека имеют особый статус ввиду того, что могут указывать на проявления соответствующей предрасположенности лица, оказывать воздействие на семью на протяжении нескольких поколений, включая потомков, а в ряде случаев и на целую группу, к которой относится этот индивид, или содержать информацию, значение которой может быть неизвестно на момент сбора биологических образцов. Кроме того, генетические данные могут иметь культурное значение для отдельных лиц или групп. Генетические данные человека, помимо указанного, могут использоваться согласно ст. 5 в конкретных целях в области судебной медицины и судопроизводства по гражданским, уголовным и иным делам, за исключением расследования, раскрытия и судебного преследования уголовных преступлений, порядок которых регламентируется внутренним правом (http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml). В связи с этим обоснованно возникает вопрос о существовании «гена преступности», открытие которого активно обсуждается в отечественной и зарубежной научной литературе. Например, в статье «Генетический фон экстремального насильственного поведения» финские исследователи пришли к выводу о том, что мутации ряда генов в сочетании с социальными ситуациями, в которых ребенок растет в неблагополучной семье, если его воспитанием не занимаются или у него слишком авторитарные родители, приводят к развитию склонности к насилию [4].

Следует также констатировать, что Наффилдский совет по биоэтике (Nuffield Council on Bioethics) в Великобритании по анализируемому вопросу даже разработал рекомендации, согласно которым в деятельность судебных органов необходимо внедрить практику изучения генетической структуры подсудимых и принимать решение об их виновности с учетом такой информации. Более того, если выявляется генетическая предрасположенность к совершению преступления, то она по своей доказательной силе должна приравниваться к психиатрической экспертизе, и на эти данные можно ссылаться в судебном процессе [5, с. 721].

Результаты еще одного совместного исследования, посвященного изучению того, как генетические и криминальные факторы сочетаются между собой и влияют на асоциальное поведение человека, были опубликованы в 2018 г. Группа ученых из США и Великобритании пришла к выводу о том, что вероятность совершения преступления из-за генетического отклонения составляет примерно 40 %. На преступное поведение, помимо генетики, существенное влияние оказывает социальная среда, а также образовательный уровень обвиняемого. Если ребенок воспитывался в социально неблагополучном окружении и родители его демонстрировали асоциальное поведение, а в дополнение это сочеталось с низким образовательным уровнем, то риск его первой судимости в период до окончания средней школы существенно возрастал.

Полученные научные результаты, на наш взгляд, позволяют еще глубже взглянуть на проблему предупреждения преступности несколько под иным ракурсом. Так как в ряде зарубежных стран разрабатываются правила, регламентирующие использование поведенческих генетических данных, то возникает вопрос в том, будет ли такая информация оказывать влияние на решение судей при привлечении преступников к ответственности? А само выявление совокупности неблагоприятных факторов у преступника не будет ли ставить вопрос о снисхождении к нему со стороны присяжных при вынесении приговора ввиду того, что, например, правонарушение было совершено в состоянии аффекта, либо импульсивности, либо, напротив, из-за страха, и предусматривать более тяжкое наказание?

Зарубежные исследователи в области психологии, которые чисто потенциально в перспективе могут быть присяжными, на сегодняшний момент на вопрос о влиянии такой информации на людей не дают однозначного ответа, указывая как на возможное уменьшение сроков в выносимых предполагаемых приговорах, так и на то, что наличие генетического и социального отклонения у преступника не оказывает какого-либо существенного влияния на принимаемое решение. Ведь появление генетического детерминизма – идеи о том, что гены выступают основной причиной поведения человека, получило достаточное признание в мировом научном сообществе и широкое освещение в средствах массовой информации.

Как нам представляется, несомненный научный интерес содержит исследование Дж. Бредли Сегала, который, отвечая на вопрос о том, должен ли и в какой момент суд признать нейрогенетические доказательства вины в качестве смягчающего обстоятельства при вынесении решения, указывает на то, что современное уголовное правосудие использует подход, согласно которому индивидуальные поступки человека являются результатом его волевых усилий. Вместе с тем при наличии нейрогенетической уязвимости он предлагает учитывать следующие аспекты: во-первых, знал ли обвиняемый или должен был знать, что он представляет потенциальную опасность насильственного нанесения вреда другим лицам (что может включать в себя предыдущие подобные инциденты или модели аналогичного поведения, шаги, предпринятые специально для предотвращения преступного поведения или его воздействия на иных индивидов, предупреждения или наблюдения других граждан в отношении того, что он особенно склонен к насилию); во-вторых, предпринял ли ответчик волевые шаги, чтобы защитить других граждан от вреда насилия: знал ли обвиняемый, что его склонность к насилию имеет научно обоснованную нейрогенетическую связь (значимые шаги могут включать в себя усилия по поиску оценки и лечения поведенческого здоровья, продемонстрированные усилия по предотвращению или управлению ситуациями, которые могут вызывать насильственные реакции, воздержание от алкоголя и других веществ, которые в целом связаны с более высоким риском насилия или с самим насилием для этого человека, и (или) взаимодействие с социальными группами (например, коллективами самопомощи, сверстниками, религиозными общинами), чьи ценности и ожидания защищают от насилия).

В случаях если обвиняемый явно преследовал значимые гарантии против склонности к насилию, которое он совершил или должен был признать, то такие действия заслуживают рассмотрения в качестве смягчающих обстоятельств. Однако если обвиняемый знал или, исходя из полученной информации, должен был знать о том, что он не может управлять своей склонностью к насилию, и никаких значимых действий по защите окружающих от своей склонности не предпринимал, то они должны быть ли-

шны возможности представлять подобные доказательства независимо от их научной обоснованности или актуальности.

Полагаем, что подобная позиция нуждается в существенном дополнении. На наш взгляд, представляется дискуссионным вопрос о том, необходимо ли на законодательном уровне разработать комплекс профилактических мер, направленных на работу с данной категорией лиц, привлекаемых к ответственности за совершение уголовно наказуемых деяний или административных проступков. Параллельно встает вопрос о том, должны ли суды при вынесении окончательного решения о виновности таких лиц учитывать нейрогенетические данные, полученные при исследовании личности обвиняемых, и, помимо основного наказания, предусматривать комплекс мер медицинского и воспитательного характера? Будут ли влиять нейрогенетические особенности осужденных при их отрицательном или положительном поведении в период отбывания наказания на изменение условий содержания, применение мер поощрения и взыскания?

Представленные нами аргументы вызывают вполне логичное сомнение в том, должно ли государство в будущем настаивать на принудительном изменении генома человека в тех случаях, когда у обоих родителей будет выявлена такая мутация, ведь новые технологии в этой сфере (например, CRISPR/Cas, при которой возможно внесение изменений в геном человека) уже проходят широкую апробацию во всем мире.

Исследование самой сути обязательной государственной геномной регистрации человека поднимает еще одну чрезвычайно актуальную группу проблем, связанную с дискриминацией человека по генетическим особенностям. Например, если отец ребенка совершил преступление, не скажется ли это обстоятельство на его семье, близких родственниках по восходящей, нисходящей или боковым линиям родства, не будет ли это препятствовать заключению брака такими лицами или получению ими различных социальных услуг? В связи с этим напомним, что на сегодняшний день в нашей стране нет ни одного нормативного правового акта, который защищал бы отечественных граждан, иностранных граждан или лиц без гражданства, находящихся на территории России, от дискриминации в любой сфере общественных отношений по признаку их генетической уникальности или особенности.

Следует с уверенностью констатировать, что использование методов ДНК-идентификации качественно меняет картину происшествия, если иных доказательств, помимо генетического материала, обнаруженного на месте происшествия, попросту нет. Однако в связи с этим остается открытым вопрос о защите и достоверности получаемой генетической информации. Закономерно встает вопрос о том, как быть, если генетические данные стали объектом фальсификации, а полученные с помощью ДНК-экспертизы сведения выступают в качестве единственного доказательства виновности лица по делу? Однозначного ответа на этот вопрос, к сожалению, пока нет. Вместе с тем статистика свидетельствует о том, что случаи некачественно проведенных ДНК-тестов не такой уж и редкий факт, в результате которого к юридической ответственности может быть привлечено невиновное лицо или возникнут иные неблагоприятные последствия для любого гражданина.

В настоящее время самый большой фонд генетической информации сформирован в США на основе баз данных ее добровольной передачи, осуществляемой гражданами, и принудительной регистрации, проводимой государством. В результате этого раскрываемость преступлений с помощью анализа ДНК увеличивается в огромной прогрессии только потому, что базы их данных пополняются с невиданной скоростью [6, с. 80]. Существенную роль в этом играет добровольная генетическая регистрация. С помощью

домашних ДНК-тестов граждане пытаются отыскать своих родственников, родителей, что иногда раскрывает семейные тайны, скрытые беременности, супружеские измены. Как следствие, в современном обществе становится все труднее сохранить какие-либо секреты. Достаточно отметить, что запрет на дискриминацию граждан по признаку генетической уникальности реализован не только на конвенциональном, но и в ряде зарубежных стран на национальном законодательном уровне. Так, в США в 2008 г. был принят Закон о запрете дискриминации на основе их генетической информации (GINA), запрещающий дискриминацию со стороны работодателей и страховых организаций, занимающихся страхованием здоровья (<https://www.govtrack.us/congress/bills/110/hr493/text>). Закон защищает американцев от дискриминации на основе их генетической информации как в области медицинского страхования (разд. I), так и в сфере занятости (разд. II). Раздел I вносит поправки в Закон о пенсионном обеспечении работников 1974 г. (ERISA) (<https://www.dol.gov/agencies/ebsa/laws-and-regulations/laws/erisa>), Закон о здравоохранении (PHSA) (<https://legcounsel.house.gov/Comps/PHSA-merged.pdf>) и Кодекс внутренних доходов (IRC) (<https://www.law.cornell.edu/uscode/text/26>) посредством Закона о мобильности и подотчетности медицинского страхования 1996 г. (HIPAA) (<https://www.hhs.gov/sites/default/files/privacysummary.pdf>), а также Закон о социальном обеспечении (https://www.ssa.gov/OP_Home/ssact/ssact-toc.htm), запрещающий страховым компаниям заниматься генетической дискриминацией.

В Великобритании 23 октября 2018 г. был разработан и подписан Кодекс о генетическом тестировании и страховании, в соответствии с которым Ассоциация британских страховщиков, проводящая разовые или годовые полисы страхования, не будет пользоваться результатами прогностических генетических тестов при любых обстоятельствах (<https://www.gov.uk/government/publications/code-on-genetic-testing-and-insurance>).

В ФРГ Закон о генетической экспертизе человека от 24 апреля 2009 г. определяет требования к генетическим исследованиям и аналогичным анализам, проводимым в рамках подобного тестирования. Он направлен на предотвращение любой дискриминации, основанием которой являются генетические характеристики человека. Государство берет на себя обязанности по защите человеческого достоинства и обеспечивает право личности на самоопределение. Закон не распространяет свое действие на генетические исследования и генетический анализ или обработку генетических образцов либо генетические данные, полученные: 1) для исследовательских целей; 2) на основании применимых правил, касающихся: а) уголовно-процессуальных отношений, международной правовой помощи по уголовным делам, деятельности федеральных полицейских органов федерального уровня и полиции земель, расследующих уголовные преступления; б) закона о защите от инфекций (https://www.eshg.org/fileadmin/www.eshg.org/documents/Europe/LegalWS/Germany_GenDG_Law_German_English.pdf).

В некоторых государствах к исследуемой проблеме подходят значительно жестко. Так, в Кувейте в 2015 г. был принят Закон об обязательной генетической регистрации всех граждан государства, включая туристов, под страхом уголовного наказания, предусматривающего один год тюремного заключения и штраф в размере 33 тыс. долларов США. В случае предоставления подложной генетической информации возможно назначение наказания в виде тюремного заключения до семи лет. Подобное решение было принято после террористического акта, осуществленного боевиками так называемого Исламского государства (запрещенной в России организации), в результате которого погибло значительное количество мирных граждан [7].

Приведенные нами примеры показывают, что отдельные страны мира решают вопросы обязательной государственной регистрации с различных позиций: от полного сканирования ДНК всех граждан (кувейтская модель) до обязательной государственной геномной регистрации в отношении лиц, совершивших тяжкие или особо тяжкие преступления, половые преступления, идентификации неопознанных трупов (российская модель).

Подводя итог проведенному анализу, отметим, что в свете всех новых открытий в рассматриваемой нами сфере полный запрет на генетическую дискриминацию вряд ли может быть достигнут. Вне сомнений, потенциал генетической дискриминации достаточно высок. Это относится не только к каждой коммерческой сделке, где одна сторона имеет экономический интерес в будущем на здоровье другой стороны (например, в вопросах предоставления ипотеки или коммерческих ссуд), но и к неэкономическим отношениям. Мы подразумеваем области, где есть интерес к объяснению или прогнозированию текущего или будущего состояния здоровья человека (усыновление, опека над ребенком, травматизм) или где важно поведение гражданина в будущем, например, в сфере образования или уголовном праве. Тем не менее обязательная геномная регистрация представляет собой меру государственного принуждения, которая выступает важным индикатором, показывающим, как государство относится к соблюдению баланса личных и общественных интересов на конкретном этапе своего развития.

Не нуждается в доказательстве тот факт, что действующий механизм обязательной государственной геномной регистрации в Российской Федерации нуждается в дальнейшем законодательном совершенствовании. На теоретическом уровне, на наш взгляд, было бы целесообразным разработать модель ограничения прав и свобод человека и гражданина, связанных с передачей генетической информации уголовно наказуемых правонарушителей, а также граждан, подозреваемых и обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, в генетическую базу данных государства.

Учитывая новые научные открытия в генетической сфере, показывающие наличие взаимосвязи между нейрогенетическими и социально-поведенческими особенностями человека и его склонностью к совершению преступлений, следовало бы на уровне научного исследования разработать комплекс условий, при которых возможен учет в отношении правонарушителя смягчающих или отягчающих обстоятельств при решении вопроса о его виновности, а также назначенной меры уголовного наказания и последующей профилактической работы для предотвращения совершения им новых преступлений (рецидива).

Для совершенствования механизма обязательной государственной геномной регистрации граждан в Российской Федерации на законодательном уровне было бы желательным, во-первых, закрепить возможность осуществления обязательной государственной геномной регистрации в отношении лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении уголовно наказуемых деяний; во-вторых, предусмотреть четкую возможность автоматического аннулирования полученных генетических данных в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в случае, если они признаны невинными соответствующими решениями судов; в-третьих, закрепить в уголовно-исполнительном законодательстве возможность привлечения осужденного к дисциплинарной ответственности в случае уклонения его от осуществления принудительной генетической регистрации; в-четвертых, разработать и внедрить четкий механизм осуществления контроля над достоверностью ДНК-данных, получаемых от осужденных, в период отбывания ими наказания в учреждениях ФСИН России; в-пятых, закрепить

на законодательном уровне запрет на дискриминацию отечественных граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства по признаку их генетической уникальности.

Учет, апробация и последующее внесение указанных предложений и уточнений в отечественное законодательство будет способствовать процессу совершенствования процедуры проведения обязательной государственной геномной регистрации граждан, совершивших тяжкие, особо тяжкие и иные преступления, повышению степени защищенности правового положения лиц, находящихся в учреждениях и органах ФСИН России, а в итоге и решению проблемы рецидива преступлений.

Библиографический список

1. Локк Д. Два трактата о правлении // Сочинения : в 3 т. М. : Мысль, 1988. Т. 3. 668 с.
2. Stammler, R. 1902, *Die Lehre von dem richtigen Rechte*, Jurisprudence, Berlin.
3. Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М. : Норма, 2007. 384 с.
4. Tiihonen, J., Rautiainen, M., Ollila, H. & Repo-Tiihonen, E. 2015, 'Genetic background of extreme violent behavior', *Mol Psychiatry*, vol. 20, pp. 786–792.
5. Тарантул В. Геном человека: энциклопедия, написанная четырьмя буквами. М., 2003. 500 с.
6. Перепечина И. О. Эффективность ДНК-анализа при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 80–81.
7. Coghlan A. 2017, 'Kuwait's plans for mandatory DNA database have been cancelled', *New Scientist*, October 9.